

Апрель 1862

Выборы в Пруссии. — Пустая молва в Риме. — Битва при
Питтсбург-Ландинге и взятие Нового Орлеана.

Пруссия решительно не хочет отказываться от внезапно овладевшего ею честолюбия служить предметом всеобщего любопытства. Лет двенадцать, с 1859 года, существовала она таким смиренным манером, что самые рьяные публицисты и газетные корреспонденты, умеющие находить себе пищу и в Португалии, и в Голландии, и в Бельгии, не умели отыскать в Пруссии предмета, о котором написать бы две-три колонны. Бесплодность почвы довела корреспондентов до отчаянной решимости: они бежали из Берлина. Каким же способом произошло, что Пруссия вдруг превзошла даже свою вечную соперницу Австрию обилием материала, доставляемого для газет? Этим она обязана своему правительству.

С восшествием нынешнего короля на престол пруссаки, не известно на каком основании, связывали надежду, что сама [прилетит к ним в рот жареная утка, которая удовлетворит их несколько проголодавшемуся вкусу. Но сколько известно по истории, жареные утки не летают, и пруссаки разочаровываются в своем уповании. Этою жареною уткою, которой они ждали, должна была сообразно их вкусу быть] система истинно конституционного правления. До той поры, видите ли, Пруссия только на бумаге называлась конституционной страной, а в действительности управлялась точно таким же порядком, как во времена доконституционные. Ждали пруссаки год, два, три [жареная утка все не летит. Вот они и стали догадываться, что прежде, чем наслаждаться ее вкушением, надобно изловить и зажарить ее. Прошлой осенью они сделали попытку к тому], совершив необыкновенно мудреное открытие, что если они хотят иметь палату депутатов, желающую действительно ввести в государство конституционный порядок, то надобно выбирать в депутаты людей, которые действительно имели бы конституционные убежде-

ния. Прежде, видите ли, пруссаки не знали этого и выбирали в депутаты тех людей, которых рекомендовали им ландраты, то есть провинциальные начальники. Одиннадцать или двенадцать лет нужно было пруссакам, чтобы понять, что как бы хороши ни были ландраты, но имеют своею обязанностью и своим желанием вовсе не введение истинно конституционного правления в Пруссии, а только то, чтобы добросовестно исполнять приказания министерства; и что поэтому люди, рекомендуемые ландратами в депутаты, [очень пригодны для повиновения правительству, но] никак не способны стремиться к тому, чтобы поставить министров в зависимость от палаты депутатов. Одиннадцать или двенадцать лет опыта нужно было пруссакам для уразумения такой трансцендентальной истины, — [это смешно, если хотите. Но ведь вся история тянется очень смешно, за исключением того, когда бывает страшно. Да и] неужели много времени, каких-нибудь с небольшим десяток лет, на обучение нации первому приему новой для нее жизни? Ведь первый прием тяжелее всего. Итак, в прошлую осень пруссаки выбрали депутатов, хотевших ввести на самом деле конституционное управление. Новая палата требовала, чтобы на ее рассмотрение представлялся подробный бюджет вместо краткого перечня государственных доходов и расходов, которым довольствовались прежние палаты, но из которого ничего не было видно. Кроме того, она требовала, чтобы уменьшены были издержки на войско, нарушавшие равновесие расхода с приходом. Если бы само правительство вздумало сделать то, чего требовала палата, от этих перемен не выходило бы еще никакой особенной разницы в системе управления. [Подробный бюджет публикуется в Пруссии, и всякий давно мог рассуждать о нем, как хотел; значит] представление палате короткого, а не подробного бюджета было только делом формы. А уменьшение издержек на военные силы палата требовала в размере не очень большом, так что состав [и устройство] военных сил мало изменял[ись] бы этою убавкою. Собственно говоря, если бы требуемые перемены не были требуемы депутатами, а были сделаны самим правительством, правительство и не сочло бы их важною уступкою с своей стороны. Но большая разница в том, по независимому ли решению правительства, или по формальному требованию общества делается какая-нибудь перемена. Реформа, не имеющая ни малейшей важности в первом случае, может оказываться переворотом всей системы управления во втором [случае], потому что она тут уже будет признаком, что отношение между правительством и обществом изменилось, что общественное мнение взяло господство над правительством.

Рассматривая дело с этой верной точки зрения, мы никак не можем согласиться с поверхностными порицателями, упрекающими прусское правительство за то, что оно поссорилось с палатою депутатов из-за таких вопросов, которые сами по себе мало-

важны. Напрасно удивляются либералы тому, что оно не сделало палате удовольствия, а предпочло волновать страну распушением палаты и предложением обществу прямого вопроса: на чьей стороне хотят стоять пруссаки, на стороне правительства или на стороне конституционистов. Мы находим, что прусскому правительству так и следовало поступить. Действительно, ход истории пододвинул решение вопроса, на какой ступени конституционного настроения стоит прусское общество: ограничивается ли оно тем, что приобрело знание надобности в людях с конституционными убеждениями для конституционного управления государством, или уже приготовлено и ко второму шагу конституционного пути, к решимости поддерживать людей конституционного направления в их спорах с правительством. Чем скорее ставился этот вопрос, тем скорее и разъяснилось дело.

Таким образом, прусское правительство действовало как нельзя лучше в пользу национального прогресса, распуская палату, с убеждениями которой была не согласна прежняя система, и предлагая нации средство испытать, каковы на самом деле ее мысли: хочет ли она только того, чтобы палата депутатов ораторствовала в конституционном порядке, не имея средства устоявить его, или хочет поддерживать этих депутатов, чтобы они, опираясь на нацию, могли осуществить свои убеждения.

Чтобы не оставить обществу никакого сомнения об истинном положении вопроса, правительство приняло два решения, столь же неосновательно порицаемые поверхностными либералами, как и распушение палаты. Об одном из них мы говорили в прошлом месяце: всем чиновникам и зависящим от правительства корпорациям было предписано употреблять всевозможные усилия для поддержки правительственных кандидатов на новых выборах и всячески отклонять публику от выбора депутатов, не одобряемых министерством. В прошлый раз мы защищали эту меру со стороны ее натуральности и неизбежности, доказывая, что напрасно обвинялись прусские министры за действие в пользу своих интересов, потому что ни от кого нельзя ждать или требовать чего-либо иного. Теперь мы пойдем дальше в защищении прусского правительства и скажем, что это его действие было не только естественно, но и совершенно благоразумно, политично и законно. Надобно помнить, о чем шло дело. Вовсе не о замене одного министерства, принадлежащего к известной политической системе, другим министерством, признающим ту же систему и разнящимся от первого только большею или меньшею степенью либерализма или консерватизма. Случай был совершенно не такой, как замещение тори вигами, или наоборот, в Англии. Пальмерстон и Дерби, Россель и д'Израэли, подобно Кобдену и Брайту, все признают одинаковое правительственное устройство и спорят между собою только о полезности или вреде, своевременности или несвоевременности той или другой практической

меры, которую каждый из них станет проводить или задерживать совершенно теми же способами, какими пользуется и его противник. Принципы государственного управления не подвергаются спору: он идет только о его подробностях. Конечно, тут было бы недобросовестно, если бы для торжества на выборах министры воспользовались тою силою, какую дает им правительственная власть, потому что, как мы сказали, правительственная власть сама по себе не подвергается никакому изменению от замены одного министерства другим или оттого, какой партии будет дано выборами большинство в палате депутатов. Правительственная власть при всех этих переменах остается неприкосновенна: значит, и не приходится ей вмешиваться в борьбу партий.

В Пруссии совсем не то. Если бы выборы дали в палате большинство министрам, это значило бы, что нация хочет подчиниться прежней правительственной власти; если же большинство новых депутатов будет против министров, это будет значить, что нация хочет сама взять в свои руки правительственную власть, будучи недовольна прежними принципами правления, ставившими власть вне общества. Очевидно, что не одни министры были заинтересованы ходом выборов, а зависела от них и судьба самой власти, существовавшей до тех пор. Из этого видно, что правительственная власть имела достаточное основание вмешиваться в избирательную борьбу и что никак не следует упрекать министров за это.

При их посредстве правительственная власть приняла и другую меру, окончательно разъяснявшую вопрос. Формальную причину несогласия между министрами и палатою депутатов были дела о представлении палате подробного бюджета и о дефиците. Власть почла нужным отстранить эти мелкие дела, чтобы существенный смысл борьбы не затемнялся ими. Перед выборами было напечатано письмо министра финансов к военному министру, которому его товарищ предлагал позаботиться о сокращении военных издержек, чтобы не было дефицита и чтобы можно было отменить сбор экстренной прибавки к одному из прямых налогов, служившей для уменьшения дефицита. Через несколько времени напечатан был документ, объявлявший, что эти предложения министра финансов будут исполнены и что отныне будет представляться палате депутатов подробный бюджет. Поверхностные либералы видели и тут недобросовестность. Они говорили: вот правительство делает то, чего требовала прежняя палата депутатов и за что она была распущена. Ей объявили, что ее требования противны государственному благоустройству и неудобно исполнимы. Но теперь нашли же их безвредными для государства и возможными. Если так, то незачем было порицать прежнюю палату и распускать ее. Мы опять не можем согласиться с этим мнением, потому что оно рассуждает только об отдельных фактах, выбрасывая из них смысл их. Дела, по которым обнаружилось

разногласие между палатою и правительством, были сами по себе неважны, как мы уже говорили; и то или другое решение этих дел не приносило государству ни большого вреда, ни особенной пользы. Но ведь прежняя палата, высказывая свои требования, имела не ту только мысль, чтобы именно вот лишь эти дела были решены так, а не иначе, — она через эти дела хотела ввести в государственное устройство тот совершенно новый для Пруссии принцип, чтобы воля палаты депутатов вообще была законом для правительства; а это уже вовсе не то, что требование какой-нибудь меры по какому-нибудь частному вопросу. [Тут было дело в таком же роде, как если бы к человеку, сидящему в комнате, подошел кто-нибудь и сказал: «я требую, чтобы вы ушли отсюда». Что за важность встать и уйти? Но тут встать и уйти — не значит просто встать и уйти, а значит — признать принцип: «ты имеешь право приказывать мне, и я обязан тебя слушаться». Как же тут будет непоследовательность или недобросовестность, если человек, сидевший в комнате, скажет подошедшему к нему: «я не встану, и ты сам пошел вон»; а прогнав дерзкого, сам, быть может, через четверть часа встанет и пойдет из комнаты, если найдет это нужным для себя. Тут не будет ничего ни смешного, ни дурного.

Вот точно так поступило прусское правительство с прежней палатою депутатов. Оно] распустило [ее потому], что не признавало за нею права приказывать ему [; и, конечно, в этом смысле надобно понимать его ответ].

Благодаря такому хорошему разъяснению вопроса самим правительством результат выборов не имеет уже никакой двусмысленности. Те депутаты прежней палаты, которые решительно желали введения конституционной системы, выбраны в новую палату все, без исключения. Во многих округах заменены людьми этой партии прежние депутаты нерешительного образа мыслей; бо́льшая часть тех депутатов, которые поддерживали нынешнюю систему правления, потерпели поражение на выборах, точно так же, как и все министры. Это последнее обстоятельство очень замечательно в своем роде: в целой Пруссии не нашлось городского или сельского округа, который согласился бы иметь своим представителем кого-нибудь из нынешних министров.

Теперь новая палата собралась, и тронная речь при ее открытии была написана тоном очень уклончивым, совершенно непохожим на прежние заявления правительства. Но этот мягкий приступ к делу выражает собою только желание прусского правительства по возможности удерживаться от резких столкновений, — желания, разделяемого и прогрессистами, а ни мало не свидетельствует, что дело обойдется без такого столкновения. Оно может пойти двумя путями.

Во-первых, прежняя система может находить, что еще не истощила всех своих средств сопротивления обществу; если прави-

тельство держится такого мнения теперь, оно думает совершенно справедливо. В таком случае новая палата будет распущена подобно прежней. Когда она будет распущена, это зависит уже от нее самой. Правительство приглашает ее в начинающуюся непродолжительную сессию заняться только удовлетворением текущих надобностей администрации, отлагая политический спор о принципах управления до следующей сессии, которая начнется зимою. Быть может, палата так и поступит, чтобы не затягивать нынешнюю сессию долее обыкновенного срока парламентских заседаний, до которого остается лишь несколько недель. А быть может, она найдет нужным теперь же предъявить свои политические требования. Если так, она будет распущена теперь же, и опять будут назначены новые выборы, результат которых не подлежит сомнению: они дадут прогрессистам еще сильнееший перевес в палате.

Как ни поступит палата: отложит ли по приглашению правительства политическую борьбу до следующей сессии, или начнет ее теперь же, все-таки при нынешнем настроении публики эта борьба неизбежна, если правительство не почтет нужным сделать видимую уступку; а уступка, хотя по форме сколько-нибудь удовлетворительная, может состоять только в замене нынешнего министерства людьми более либерального образа мыслей. Нам кажется, что, избрав этот второй способ действия, путь уступок, прусское правительство поступило бы неосновательно, потому что, как мы сказали, оно еще не истощило своих средств сопротивления и, следовательно, еще не имеет необходимости отказаться от борьбы. Но в сущности будет все равно. Ход истории неуклонно определяется реальным отношением сил, и ошибки, делаемые людьми, имеют влияние только на форму, а никак не на сущность вещей. Например, если бы прусское правительство и вздумало теперь уже сделать уступку, надобности в которой еще нет для него при силах, остающихся у него в резерве, то всякие нынешние уступки с его стороны оказались бы чистой формальностью, лишенной всякого реального значения, хотя бы оно и само искренно желало делать уступки не кажушиеся, а действительные. Попробуем всмотреться в дело, и мы увидим, что иначе быть не может. Если бы прусское правительство вздумало уступить теперь палате депутатов, то есть заменить нынешних министров людьми конституционного образа мыслей, оно сделало бы это по доброй воле, — не потому, чтобы уже лишено было возможности сопротивляться или надежды на успех сопротивления, а только по снисходительному доброжелательству, чтобы пощадить страну, не подвергать ее тяжелым симптомам гражданских смут. Но кто делает что-нибудь по снисходительности, для пощады, тот сохраняет за собой сознание силы и никак не в состоянии избавиться от мысли, что власть все-таки за ним и что противник, пощаженный его снисходительностью, обязан быть признатель-

ным к нему, то есть держать себя в зависимом от него положении; если же окажется и после этой пощады неблагодарным и дерзким, то уже лишится всякого права на сострадание и должен будет подвергнуться справедливому наказанию от сил, остающихся в резерве у великодушного. Таким образом, великодушный обладатель сил, сделавший уступку, все-таки считает себя сохраняющим власть и могущим действовать сообразно тому, а пощаженный противник остается в положении, зависимом от него; следовательно, действительные отношения остаются и после уступки совершенно таковы же, как были до ней, и уступка имеет лишь формальное значение: если она делается, то придает блеск великодушия снисходительному сильному, и если принимается его противником, то свидетельствует, что этот противник считает себя слабее его, — ведь иначе этот противник не стал бы и ждать уступок, не только что принимать их, а сам продиктовал бы условия нового порядка вещей. Стало быть, исторические вопросы нисколько не решаются уступками, которые имеют лишь то влияние, что на несколько времени замаскировывают реальное положение дел формальной благовидностью снисходительного великодушия.

Потому мы полагаем, что прусское правительство поступило бы неосновательно, если бы заменило нынешних министров прежними, которые вышли в отставку по несогласию на решительные меры и считаются за либералов сравнительно с нынешними министрами. Да оно [и не может], повидимому, и не расположено делать такую ошибку. Мы считаем совершенно ложным разнесшийся слух об образовании нового либерального кабинета. Гораздо правдоподобнее противоположный слух, что прусское правительство нашло возможным продолжать администрацию, обходясь без согласия палаты депутатов. Положим, что она будет выражать недоверие к нынешним министрам и просить о назначении новых, — нынешние министры будут сохранять свои места; палата будет отвергать все проекты законов, вносимые министерством, — но правительство может обходиться и без всяких улучшений в законодательстве. Таким образом, дело может тянуться до тех пор, пока нынешние министры утомятся непопулярностью своего положения и подадут в отставку: они, при всей своей преданности прежней системе, желают сохранять конституционные формы. Тогда на их место будут назначены люди более решительные, которые согласятся скрепить своими подписями эдикты, изменяющие конституцию так, чтобы общество имело менее простора выбирать в депутаты людей, не расположенных к прежней системе. Для этого нужны две перемены в конституции: во-первых, надобно переделать законы о выборах в таком духе, чтобы администрация получила больше силы над ними; во-вторых, надобно уменьшить свободу печати. Такое намерение уже было у правительства и отложено потому, что ны-

нешние министры нашли его или преждевременным, или несогласным с своими убеждениями.

Во всяком случае после выбора новой палаты прусский вопрос подвинулся шагом вперед к окончательному разъяснению. Превыборными выборами прусское общество показало, как мы говорили, что оно желает иметь депутатами людей, расположенных ввести в государство конституционное правление на самом деле, между тем как прежде это правление существовало только по имени; новыми выборами прусское общество показало, что оно готово поддерживать этих людей в борьбе против гражданских средств прежней системы. Теперь остается видеть, будет ли оно готово поддерживать их и при употреблении других средств прежней системой. Гражданские средства составляют только меньшую часть сил, находящихся в распоряжении прежней системы. Коренная сила ее заключается в военных мерах, которые постоянно держатся в резерве при всяких важных исторических вопросах. Как споры между различными государствами ведутся сначала дипломатическим путем, точно так же и борьба из-за принципов внутри самого государства ведется сначала средствами гражданского влияния или так называемым законным путем. Но как между различными государствами спор, если имеет достаточную важность, всегда приходит к военным угрозам, точно так и во внутренних делах государства, если дело немаловажно. Если спорящие государства слишком неравносильны, дело обыкновенно решается уже одними военными угрозами: слабое государство исполняет волю сильного, и этим отвращается действительная война. Точно так же и в важных внутренних делах война отвращается только тем, если одна из спорящих сторон чувствует себя слишком слабою сравнительно с другой: тогда она смиряется, лишь только увидит, что противная партия действительно решилась прибегнуть к военным мерам. Но если два спорящие государства не так неравносильны, чтобы слабейшее из них не могло надеяться отразить нападение, то от угроз доходит дело и до войны. Обороняющийся имеет на своей стороне очень большую выгоду, и потому, если он уже не слишком слаб, он не падает духом от решимости более сильного противника напасть на него. Посмотрим, какое понятие о своих силах имеют партии, ведущие между собой борьбу в Пруссии. Тут, конечно, все зависит от настроения общественного мнения. Та сторона, которая имела громаднейшую силу, может увидеть себя совершенно ослабевшею в несколько месяцев или даже недель. Но, судя по нынешнему настроению общественного мнения в Пруссии, надобно полагать, что противники нынешней системы находят себя слишком слабыми для военной борьбы и готовы смириться по первой решительной угрозе правительства, что оно прибегнет к военным мерам. Разумеется, это отношение очень шатко, как мы уже и говорили, и может совершенно измениться от всякого события,

которым изменялось бы настроение общества. Внутри Пруссии незаметно материалов, от которых могли бы возникнуть такие события, и опасность чего-нибудь подобного может грозить нынешней прусской системе только от хода истории в других землях; да и нынешнее настроение общественного мнения, из которого возник происходящий теперь в Пруссии спор, наваяно на Пруссию заграничными событиями, итальянскими делами, видимою шаткостью нынешнего положения во Франции и вообще тревожным, возбуждающим нервы состоянием всего континента Западной Европы. Эта сторона самая любопытная и важная в нынешнем прусском движении. Будучи не более, как отголоском глухого шума, усиливающегося на западноевропейском континенте, оно служит признаком готовящихся событий, от которых зависит и его собственная судьба. Если их наступление замедлится, конституционная партия в Пруссии снова подвергнется летаргической безнадежности, в которой лежала столько лет почти без всякого признака жизни¹. Но только начнись ураган на Западе, он захватит и Пруссию и в ней произведет ломку.

А Франция, как мы уже много раз замечали, обнаруживает признаки расположения подновить свою старинную репутацию, гласящую, что она вулкан, из которого льется лава, и т. д. Два месяца тому назад мы говорили о прениях законодательного корпуса по поводу адреса и замечали в них черту, очень двусмысленную относительно прочности нынешней системы: законодательный корпус стал почтительно слушать речи ничтожной по числу оппозиции, которую прежде презирал и осмеивал. Мы замечали, как уступчив и любезен был президент законодательного корпуса граф Морни с Жюлем Фавром, как в любезности графа Морни и сконфуженном внимании всего законодательного корпуса обнаруживалось затаенное опасение, что, пожалуй, — чего доброго, — придется судьбе людей нынешней системы зависеть от снисходительности партии Жюля Фавра.

Но то были еще только слова и манеры обращения. Вот уже начинаются и действия, в которых проглядывает сознание людей нынешней системы, что ей полезно избегать столкновений с новыми претензиями. Месяца полтора, а может быть и больше, через каждые два-три дня являются в газетах предсказания, что французы отдадут Рим Виктору-Эммануэлю. Поводом к этой молве послужила распря между генералом Гойоном, командующим французскими войсками в Риме, и французским посланником в Риме Лавалеттом. Гойон, усердный приверженец папы, утверждает, что выводить французских войск из Рима нельзя. Что такое говорил Лавалетт, мы хорошенько не знаем, но, должно быть, что-то несогласное с мнением Гойона, потому что оба они объявили, что им обоим вместе нельзя оставаться в Риме. Спорили, спорили. Лавалетт, то ли был вызван, то ли сам поехал в Париж, за тем ли, чтобы убедить правительство отозвать

Гойона из Рима и самому возвратиться туда, или, без надежды возвратиться, решился оставить поле действия за Гойоном. Начались в Париже какие-то аудиенции, в которых что-то рассуждали с Лавалеттом о римском вопросе, стали чаще прежнего посылаться из Парижа какие-то депеши Гойону, а от него какие-то ответы на депеши, и напоследок дело чем-то кончилось: то ли Гойон остается в Риме, а Лавалетт удаляется, то ли Лавалетт остается, а Гойон удаляется, то ли оба они остаются, то ли оба они удаляются, — в точности не помним, чем именно кончилось, но помним, что именно чем-то в этом роде: а может быть, и то, что дело еще не кончено, — по правде сказать, не помним хорошенько. Кажется, кончилось; нет, опять кажется, будто не кончилось. А впрочем, все равно. Французские войска до поры до времени остаются в Риме, как и следовало ожидать. В чем же тут важность, что Лавалетт попусту спорил о чем-то с Гойоном? А вот в чем важность, — в соображении, по которому наделано было столько шума из-за этого спора. Нынешняя сессия — последняя сессия настоящего законодательного корпуса. Законный срок его кончается в конце года, и зимою должны быть новые выборы. По сведениям, собранным через полицию, министры увидели, что положение правительства при выборах будет невыгодно, если не сделать уступок итальянцам по римскому вопросу, и что в новый законодательный корпус войдет много оппозиционных депутатов. Министры так прониклись этим опасением, что даже уверяли императора, будто оппозиционная партия приобретает перевес, — ну, это пока еще неправдоподобно при нынешнем колебании общественного мнения между конституционастами и республиканцами, которые сходятся только во вражде к существующему порядку, а между собою не успели еще устроить никакого перемирия, и силы которых кажутся одинаковы, так что нация не знает, к какой из этих двух партий пристать людям, не увлекающимся политическими убеждениями, а желающим только спокойного и умеренного правительства. При этой невозможности определить, которая из двух оппозиционных партий сильнее, каждая из них имеет претензию не уступить без вооруженной борьбы власть своей противнице при падении нынешней системы, и эта перспектива междоусобия удерживает французское общество от серьезных попыток устранить нынешнюю систему, которая собственно только этим и держится, как мы много раз говорили. Пока существующее равновесие сил республиканской и конституционно-монархической партий не изменится в очевидный перевес которой-нибудь из них над другою, нынешнее правительство будет существовать. Но мы только опровергали чрезмерные опасения нынешних французских министров, а вероятно, что положение дел во Франции на самом деле уже пошатывается, если министры прониклись такими опасениями. Тревогою министров объясняется, как мы говорили, шум, поднятый

о римском вопросе, а то, что из этого шума пока еще ничего не выходит, объясняется тем, что опасения министров несколько преждевременны и овладели только воображением, еще не успев совершенно овладеть их рассудком.

В Северной Америке, как мы объясняли в прошлый раз, театр войны постепенно стесняется наступлением союзных сил со всех сторон круга. Мы говорили прошлый раз, что решительных битв надобно будет ожидать тогда, когда круг этот уменьшится настолько, что армии инсургентов приобретут выгоду концентрического положения. Большая битва, произошедшая в начале апреля на западной окраине северной стороны театра военных действий, в окрестностях Коринфа, у местечка Питтсбург-Ландинга, объясняется тем, что генералы, командовавшие западную армию инсургентов, уже почли себя получившими выгоду такого положения. Их решимости дать битву много помогла удивительная неосторожность союзного генерала Гранта (того самого, корпусом которого был взят форт Доннельсон). Читатель знает, что союзные войска движутся главным образом по долинам рек, чтобы удобнее был подвоз провианта (сухопутные дороги в южных штатах вообще плохи). Овладев течением реки Кёмберланда (на которой лежат форт Доннельсон и главный город штата Теннесси, Нашвилль), северные войска стали двигаться по реке Теннесси, которая от своего устья до половины течения открыла дорогу этим войскам прямо на юг. Верхняя половина реки составляет почти прямой угол с нижнею. Вдоль по верхней половине ее течения идет главная железная дорога южных штатов, начинающаяся на Миссисипи у Мемфиса и пролегающая через весь материк до самого атлантического побережья, близ которого проходит она через главный город Виргинии, Ричмонд. Эта дорога служит единственным путем сообщения между западными и восточными штатами Юга. По западной части ее расположилась западная армия инсургентов, когда была вытеснена из штатов Кентукки и Теннесси. Защищать дорогу надобно было ей для того, чтобы не были отрезаны одни от других восставшие штаты. Центральным пунктом инсургентов была очень крепкая позиция при Коринфе, лежащем верстах в 30 от того места, где река Теннесси делает изгиб и где надобно было переходить через нее северным войскам, если они хотели подвигаться далее на юг. Северные войска шли тремя большими корпусами, на расстоянии четырех или пяти переходов один от другого. Тем корпусом, который шел впереди других, командовал генерал Грант, имевший от 30 до 35 тысяч войска. Пока он не переходил с правого (северо-восточного) берега реки Теннесси на левый (юго-западный), он был закрыт рекою от неприятеля, и потому-то главнокомандующий западной союзной армии Галлеск

допустил такое большое расстояние, как пять переходов, между корпусом Гранта и следовавшим за ним корпусом Бьюлля. Дошедши до места, где надобно переходить на неприятельскую сторону реки, Грант знал, что центр армии инсургентов находится очень близко к этому месту и что неприятель, владеющий железною дорогою, может очень быстро собрать в этом пункте тысяч до 100 войска. Тем не менее Грант, не останавливаясь, перешел через реку, оставив за собою Бьюлля в четырех днях пути. Увидев такую опрометчивость, Борегар, командовавший западной армией инсургентов, поспешил собрать все свои силы, чтобы опрокинуть Гранта в реку. К счастью, он не мог управиться с своими сборами раньше трех суток, и это поколебало военную репутацию Борегара в глазах самых жарких его панегиристов. На четвертый день инсургенты штурмовали позицию Гранта, которого вдвое превосходили силами, и совсем было смяли его в реку. Но отчаянное сопротивление северных солдат и огонь канонирских лодок с реки успели задержать неприятеля, пока на другой день битвы пришел на выручку Гранта Бьюлль. Тогда инсургенты в свою очередь потерпели поражение и возвратились на прежнюю позицию к Коринфу, почти не преследуемые северными войсками, из которых одна часть изнурена была двухдневным боем, а другая — форсированным маршем. Это была самая кровопролитная битва во всю нынешнюю войну. Потеря северных войск убитыми и ранеными простиралась тысяч до десяти, а у инсургентов — тысяч до пятнадцати. В первый день битвы инсургенты взяли до четырех тысяч пленными, на второй день сами потеряли тысяч восемь. Но в то самое время, когда происходила эта кровопролитная битва, после которой обе сражавшиеся армии остались в прежних своих позициях, северный генерал Митчель с незначительным отрядом сделал смелое движение, имевшее гораздо больше влияния на ход войны. Он бросился на железную дорогу, о которой мы говорили, в таком пункте, где она оставалась не защищена (в Гентсвилле, далее на восток от той части дороги, которую охранял Борегар); овладев этой станцией, он посадил солдат в вагоны, и они захватили железную дорогу на расстоянии верст полутораста, между прочим овладели и тем пунктом, где с этой главной дорогою, идущей от Миссисипи на запад, соединяется другая железная дорога, идущая с юга на северо-запад, от Чарльстона, во внутрь материка. Овладев этим главным узлом путей сообщения между южной и северной, западной и восточной половинами южных штатов, северные войска разорвали теперь связь между восточной и западной армиями инсургентов и отрезали юго-восточные штаты от обеих этих армий. Таким образом, круг действия инсургентов раздроблен на три куска. Очень вероятно, что это удачное дело Митчеля значительно ускорит развязку войны.

Всеми кричавшими о невозможности победить Юг признана близость этой развязки, когда узнали в Европе о занятии Нового Орлеана северными войсками. Город этот, лежащий верстах в двухстах от моря и с тем вместе имевший все выгоды приморской гавани (Миссисипи до самого Нового Орлеана имеет глубину, допускающую морские суда), считался неприступным со стороны моря. Верстах в ста ниже его построены по обоим берегам реки два очень сильные форта, один против другого, так что огонь их перекрещивается. Кроме того, было настроено много береговых батарей, а через реку в нескольких местах были повешены толстые железные цепи. Очень много говорили инсургенты и о своих пловучих батареях, и о подводных минах, так что европейские партизаны их вперед предавали посмеянию экспедицию, отправленную с севера морем против Нового Орлеана. Но в числе судов этой экспедиции было несколько канонирских лодок, одетых железом. Поднявшись по Миссисипи до фортов, они стали между ними, два дня занимались их разрушением, разрушили. Заставив молчать форты, они стали подниматься выше и под выстрелами неприятельских батарей рвать перегораживавшие реку цепи. Таким манером поднялись они до Нового Орлеана и, став против города, послали требование, чтобы он сдался. Береговые батареи не могли вредить им, и защищать против них город — значило бы только подвергать его разрушению. Поэтому 20-тысячный гарнизон города удалился во внутрь страны, и торговая столица Юга, имеющая до 150 тысяч жителей, была покорена флотилией из нескольких (кажется, всего только из двух) лодок, с несколькими пушками и несколькими десятками человек экипажа. С неделю ждала покорившаяся этим лодкам столица Юга, пока придут северные войска, чтобы занять ее. Канонирские лодки отпавились дальше вверх по Миссисипи, так что теперь почти все течение этой реки находится во власти северного правительства. Взятие Нового Орлеана наносит Югу почти такой же удар, какой наносило бы Англии взятие Ливерпуля. А потерять Миссисипи для него то же самое, что было бы для Австрийской империи занятие всей долины Дуная неприятельскими силами.

На северо-восточной части театра войны произошло нечто подобное падению Нового Орлеана на юго-западе. После того как генерал Мак-Клелланд, по оплошности или предательству, дал инсургентам спокойно отступить с Потомака на Раппаганнок, инсургенты успели устроить себе очень сильный укрепленный лагерь на этой реке у города Йорктона. Европейские партизаны южных штатов провозгласили эту позицию неприступной и предрекали, что северная армия будет счастлива, если только будет до бесконечности удерживаема йорктонскими укреплениями, а что, по всей вероятности, она будет истреблена под ними. Были печатаемы отзывы европейских офицеров, уверявших, что взять

Йорктон труднее Севастополя. Были уже известия и о том, что северная армия разбита под ним. Но после нескольких незначительных схваток инсургенты отступили из своей непобедимой позиции; северная армия, преследуя их, смяла их арьергард и теперь идет к Ричмонду.

Повидимому, война почти кончена. Так говорят теперь «Times» и его нью-йоркский корреспондент, с голоса которых твердилось в Европе, что война никогда не кончится. Но у инсургентов еще остаются две армии, каждая силою до 150 тысяч человек. Трудно полагать, чтобы они не сделали попыток повернуть ход войны отчаянными битвами. Повернуть его они не могут: перевес сил Севера слишком очевиден; но нет ничего невозможного, что они приобретут два-три успеха, как едва не приобрели победы под Коринфом; только можно знать, что никакие частные выигрыши не спасут теперь Юг от необходимости смириться, и он будет побежден, если тайные партизаны плантатаров в Нью-Йорке и Вашингтоне не успеют склонить северного правительства к уступкам, которые теперь уже были бы очевидною ошибкою.